МЮЗИКЛ ЗАМАХНУЛСЯ НА МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Червонцы из карманов пропадать не будут!

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

О мюзикле «Мастер и Маргарита» в Петербурге заговорили, еще не увидев постановки. Обсуждали саму возможность перевода романа в «легкий» жанр и всякие мистические совпадения. Накануне премьеры мы встретились с режиссером мюзикла Софьей Сираканян.

— Эндрю Ллойд Уэббер сказал, что он не будет делать мюзикл по «Мастеру и Маргарите», «потому что это невозможно». Как решились вы?

— Мне кажется, Ирина Афанасьева — автор концепции мюзикла, продюсер и художественный руководитель — сумела абстрагироваться от того, что «это такая непосильная ноша», «такая сложная задача», и взглянуть на роман просто как на сюжет. А сюжет-то какой! Не зря и дети, которые еще не способны проанализировать всю глубину философских аспектов, любят этот роман. Они же рассматривают его как сказку! Это замечательный материал для мюзикла. И лирическая линия здесь очень мощная: двое людей полюбили друг друга с первого взгляда, любовь выскочила на них, как убийца из-за угла, и поразила сразу обоих. Про такую любовь создаются все мюзиклы. И наш, безусловно, про любовь.

— Вы считаете этот жанр популярным в России?

— Его популярность растет в геометрической прогрессии. Кто-то считает (и я, признаюсь, в свое время тоже так думала), что мюзикл — это крайне легкомысленный жанр. Но в Нью-Йорке я убедилась в обратном, посетив огромное количество не самых известных, но очень качественно сделанных мюзиклов. Среди них были и философские, и сатирические, и фантастические… Столько нового можно сейчас создать в этом жанре! Правда, отечественный рынок имеет свою специфику: что-то делается на высочайшем уровне, а чего-то очень сложно добиться от артиста. Это — следствие узкоспециализированного образования. Выпускники Вагановского училища — одни из лучших танцоров в мире, но они совсем не поют… Впрочем, я уверена, что мы еще «догоним и перегоним». И как сейчас Анна Нетребко и Дмитрий Хворостовский держат первенство на мировом оперном рынке, когда-нибудь в мюзикле наши артисты тоже будут держать первенство. «Мастер и Маргарита» — первая и очень важная ласточка, потому что это по-настоящему российский мюзикл. Мы ничего ни у кого не брали и не делали «как у них». Мы с листа делаем — наше. И это можно услышать даже в мелодиях и аранжировках. «Свое родное» будет узнаваться зрителями все время, и мне это очень дорого.

— Не кажется ли вам, что жанр мюзикла лишает замысел автора драматичности?

— У меня не было цели воспроизвести первоисточник. Упаси боже браться за такую неосуществимую задачу! Невозможно поставить Библию! Борьба добра и зла — настолько философская тема, что браться за интерпретацию романа, который так глубоко ее изучает, было бы крайне смело с моей стороны. Я берусь не за интерпретацию романа, а за интерпретацию мюзикла. Конечно, найдутся люди, которые скажут: «Ой, это так далеко от первоисточника!» Но далеко — не значит плохо. Это новое произведение искусства, так и нужно к нему относиться. Мюзикл далек и от моей личной интерпретации романа. Поэтому я изначально отказалась от страданий: «Ну это же совсем не так, как в романе». А почему это должно быть как в романе? О том, как в романе, — читайте в романе. О том, как это могло бы быть по-другому, — приходите посмотреть.

— Это ваш первый опыт постановки мюзикла?

— По специальности я режиссер музыкального театра. Ставила оперы в Мариинском театре, кроме того, у меня есть авторский спектакль, жанр которого мы определили как опера-драма — «Агриппина» Генделя, мы даже возили его на «Золотую маску». Но меня всегда тянуло в синкретические жанры. Я люблю давить на много кнопок у зрителя. И я пошла в музыкальный театр именно потому, что музыка — одна из самых сильных кнопок. Те струны, которые может затронуть музыка, не может затронуть никакой другой драматический жанр. И даже в драматическом театре сегодня все больше и больше используется музыка.

— Вы осуществляете постановку вместе с театральным режиссером Андреем Носковым и кинорежиссером Тимофеем Жалниным…

— Я очень рада, что у меня столько коллег, и мы работаем одной командой. Что греха таить, я ребенок с точки зрения режиссуры. У меня очень маленький опыт. А планка высока: мы стараемся создать большое произведение, интересное для зрителя.

— Что было самым сложным?

— Синхронизация. Весь спектакль сопровождает видео, и оно живое — это не кадр-фон, видео имеет начало и конец. Свет тоже постоянно меняется, и декорации двигаются. Добавим к этому живой оркестр и живой вокал. В одно время в одной точке должно совпасть все: декорации, свет, видео, музыка, вокал. Конечно, есть способы все решить: Голливуд и Бродвей не дремлют, они столкнулись с этими проблемами раньше нас. А мы пока учимся.

— Спектакль заявлен как 3D-мюзикл — что это такое?

— Нет, это не 3D-мюзикл. Это нормальный мюзикл, где главное художественное средство — это артист. Я за такой театр. В театр люди приходят не кино посмотреть. Театр — это живые артисты и живая музыка. А видео — это очень красивая среда, которая периодически работает с 3D-эффектом. Но мы решили не пользоваться 3D-очками. Этот эффект создается за счет двух экранов: на задний экран подается одна проекция, на фронт-экран (тюль, который работает на просвет) — другая проекция. Картинка получается объемной.

— Какие сюрпризы ждут зрителей?

— Спектакль живой и интерактивный. Мы активно используем взаимодействие с залом, чтобы не создавалось ощущения, что вы смотрите его через окно. Этот мир — он вокруг вас. Мы экспериментируем. Возможно, кому-то будет неуютно, потому что не все зрители (особенно в России) любят, когда артисты с ними взаимодействуют, они чувствуют себя неловко. Но кто сказал, что на спектакле должно быть комфортно? Наоборот, спектакль должен задевать, будоражить, вызывать разные эмоции. Ведь в варьете у Воланда зрителям, наверное, не было комфортно, когда у них из карманов пропадали червонцы. Однако какое это было зрелище!

— То есть червонцы все-таки будут пропадать?

— Мы гарантируем, что зрительские червонцы из карманов пропадать не будут. Может, вам на голову упадут червонцы и их можно будет на что-то обменять. Может быть.

— А как насчет мистической составляющей: шесть композиторов, шестьдесят шесть декораций, шестьсот шестьдесят шесть костюмов?

— В сметах действительно часто встречаются такие цифры, и все обращают на них внимание именно потому, что над труппой висит ощущение, что «что-то должно случиться, это же „Мастер и Маргарита“». Кто ждет — тот дожидается. Надо мной не висит, я этого не жду. Для меня мистика заключается в том, что в этом проекте все само регулируется: все правильные или неправильные решения приходят и уходят сами.

Вероника Зубанова